

Глава 9

Не дорожи парчой в узорах золотых,

А юности часы цени, не тратя их.

Коль расцвёл цветок — сорви, пока он свеж,

Не жди, чтоб после гнуть сухой колючий ствол.

Тот вечер Лу Энь провёл в кабинете. Вызвав Сунь Цина, он велел пустить слух: поместье Фэй нанимает пятерых телохранителей. Через пять дней в просторном Западном дворе должны были состояться честные поединки один на один. Условия предлагались щедрые, а сам молодой господин обещал лично следить за ходом испытаний. Лу Энь понимал: знатные дамы и хищные девицы из высшего общества, жаждущие заполучить завидного жениха, не остановятся ни перед чем. Прежде чем они начнут строить козни за его спиной, нужно было обеспечить сестре надёжную защиту. А затем — выяснить, кто посмел её обидеть. Он заставит этих людей горько пожалеть о содеянном.

— Господин, госпожа Лэн просит вас о встрече завтра, — раздался тихий голос Ляо из-за окна.

«Значит, и они узнали о моём возвращении», — подумал Лу Энь.

— Хорошо, — негромко ответил он. — Я приду.

Ляо беззвучно растворился в ночной тени.

«Хозяин, тебе нравится этот Бай Цзинчэнь?» — голос Цуйфэна внезапно зазвучал прямо в голове, заставив Лу Эня вздрогнуть. Он огляделся, но птицы нигде не было видно — тот всё ещё оставался невидимым.

— Цуйфэн?

«Да, хозяин».

— С чего такие вопросы? — Лу Энь перевёл дух.

«Похоже, ты к нему очень привязан».

Лу Энь откинулся на спинку кресла.

— Скорее, мне нравится его доброта. И эта мягкость.

«Мягкость?»

— Да. Она кажется мне до боли знакомой. Это тепло, от которого невозможно отказаться, — признался он. Перед по-настоящему нежными людьми он всегда был безоружен.

«...» — Цуйфэн промолчал. Видимо, привязанность из прошлой жизни всё ещё таилась в глубине его души.

— Цуйфэн, ты ведь знаешь Бога-Крылатого, верно? Он когда-нибудь рассказывал, каким человеком был Фидариша? — Лу Энь наконец решился задать вопрос, который давно не давал ему покоя. Он сам поразился тому, как сильно забилося сердце в ожидании ответа. Найти любовь, предназначенную самой судьбой, — величайшая удача, и он чувствовал себя счастливым уже потому, что знал имя этого человека.

Имя Фидариши всегда приносило ему покой. Стоило Лу Эню в одиночестве вспомнить его, как пустота и тревога бесследно исчезали. В этот момент он окончательно признался себе: он влюблён в само это имя.

«... Необычайно нежный и заботливый. Умный, сильный и бесконечно преданный своей любви», — ответил Цуйфэн. По крайней мере, так было раньше.

«Нежный и заботливый...» — в мыслях невольно всплыла мягкая улыбка Бай Цзинчэня. Странное предчувствие заставило Лу Эня нахмуриться. Неужели брат Бай и есть перерождение Фидариши?

«Хозяин, ты тревожишься? Не стоит. Ваша любовь преодолела границы миров и саму смерть. Столь сильно любящие души обязательно встретятся вновь — их просто не может не потянуть друг к другу».

Цуйфэн не стал договаривать, что на пути их ждёт немало испытаний — искупление грехов прошлой жизни никогда не бывает лёгким.

Действительно ли существует любовь, ради которой люди готовы идти на смерть? В прошлой жизни Лу Энь до последнего вздоха любил Фидаришу, а тот ради него пошёл на преступление против самих законов мироздания. Стоило Лу Эню подумать об этом, как необъяснимая печаль захлестнула его. Сердце сжалось, а на глаза навернулись слёзы.

«Хозяин?»

Он поспешно закрыл лицо рукой, не желая показывать слабость.

— Я собираюсь спать. Есть что-то ещё?

«Твоя сила не принадлежит пяти стихиям, хозяин. Умоляю, не используй её без крайней нужды. Лучше веди себя как обычный человек — от этой мощи сейчас больше вреда, чем пользы. С твоим умом ты справишься и без магии. И ещё: ни в коем случае не пытайся заниматься боевыми искусствами. Твоё нынешнее тело слишком слабо, лишние нагрузки только подорвут здоровье».

—... Я постараюсь забыть о своих силах, — пообещал Лу Энь.

Он разделся, погасил лампу и вскоре погрузился в сон.

На улице стояла жара. Прохожие то и дело утирали пот, с раздражением поглядывая на палящее солнце.

Что может случиться за три месяца? Сменятся сезоны, деревья оденутся в зелень, расцветут цветы... А безвестный юнец может взлететь по карьерной лестнице, став знаменитым ученым и главной темой для сплетен за чашкой чая.

Именно этот «безвестный юнец» сейчас находился в Западном дворе своего поместья. Атмосфера была наэлектризована: толпа самозваных талантов вела себя вызывающе, и обстановка становилась всё более неловкой.

Стоило разнести вести о том, что дом Фэй нанимает стражу, как город загудел. Молодой господин Фэй, известный под изящным именем Фэн И, обещал лично присутствовать на испытаниях. Толпы книжников, жаждавших хоть мельком увидеть гения, ринулись к поместью. В итоге вместо воинов в Западный двор набилась добрая сотня претендентов — можно было подумать, Лу Энь собирает целую армию!

Больше половины пришли просто поглазеть, другие — «поделиться мудростью». Сяо Юй, стоявшая подле хозяина, едва сдерживала дрожь, опасаясь, что толпа устроит беспорядки. Лу Энь же сохранял ледяное спокойствие. Он сидел в резном кресле, равнодушно выслушивая колкости столичных щеголей.

Их раздражение было понятно: все ожидали увидеть статного мужа, а перед ними сидел мальчишка с кукольным лицом.

Многие из присутствующих были учениками Академии Тай Сюэ — элитного заведения для детей высшей знати. Обучение там стоило баснословных денег, а выпускники почти сразу получали чины. Но чтобы достичь настоящих высот, нужно было пройти императорские экзамены. Избалованные сынки сановников, такие как Фан Тао и Пан Кэ, не отличались

скромностью. Фан Тао, старший сын академика Пан Вэньчуна, считал себя непревзойденным знатоком литературы и был глубоко уязвлен успехом стихотворения «Мелодия над водой». Пан Кэ, младший сын канцлера Фан Сыли, обладал острым умом и еще более острым языком, так и норовя уколоть Лу Эня. Лэн Циннин предупреждала его об этой парочке.

Среди выходцев из народа выделялись Сюй Дун и Люй Лансянь — честные и прямолинейные молодые люди. Сюй Дун искренне восхищался талантом Фэн И и притащил друга с собой, чтобы выразить почтение.

Лу Энь невольно подумал, что охрана поместья никуда не годится, раз любой желающий может войти. Впредь безопасность нужно усилить. Он не был жадным человеком, но полугодовые скитания научили его: даже величайший герой бессилен, если у него нет ни гроша за душой.

— Почему господин Фэй молчит? — недовольно осведомился Фан Тао, которого задел безмятежный вид хозяина дома.

Лу Энь нехотя отставил чашку и с улыбкой взглянул на него:

— А что именно вы хотите услышать, господин Фан?

— «Мелодия над водой» полна такой глубокой грусти и жизненного опыта, что трудно поверить, будто её написал человек вашего возраста. К тому же, я слышал, что господину Фэн И должно быть восемнадцать, а вы выглядите едва ли на шестнадцать... В вас нет той стати и духа, что присущи истинному учёному.

— Господин Фан, вы заходите слишком далеко! — Сюй Дун вскочил, гневно сверкая глазами. — Мы все — люди слова, и подобные речи — прямое оскорбление! На государственном приеме свидетелями были высшие чины империи. Неужели вы смеете сомневаться в их честности?

— Хм! Тогда почему он молчит? От уверенности или от страха разоблачения? — вызывающий взгляд Пан Кэ заставил всех присутствующих уставиться на Лу Эня.

— Господин Пан... — Сунь Цин сделал шаг вперед с суровым лицом. Как управляющий дома Фэй, он не мог позволить порочить имя своего господина.

— Всё в порядке, — мягко прервал его Лу Энь. — Чистое само себя очистит, а мутное останется мутным. Споры — лишь трата времени. Господа, сегодня поместье Фэй нанимает телохранителей. Я не объявлял поэтических состязаний. Не кажется ли вам неуместным являться сюда толпой, чтобы допрашивать меня о моих способностях?

Слова Лу Эня были хлесткими, точно пощечина. Многие пристыженно опустили головы. Фан Тао покраснел и не нашелся с ответом. Сюй Дун и Люй Лансянь тоже почувствовали

неловкость.

— О, как здесь оживленно! — раздался звонкий, знакомый голос.

— Боги, это же министр Бай!

— Господин Бай Цзинчэнь?

— Что он здесь делает?

Толпа зашушукалась. Белоснежные полы одежд плавно качнулись, и Бай Цзинчэнь, помахивая веером, вошел во двор.

— Не думал, что обычный наем стражи привлечет столько талантов. То ли слава Лу Эня так велика, то ли в Тяньцзине скрывается куда больше «тигров и драконов», чем я думал? — он улыбнулся. — Лу Энь, сегодня ты наверняка найдешь лучших защитников.

Снова эта нежная улыбка!

Слова Цуйфэна эхом отозвались в сознании Лу Эня. Доброта брата Бая затрагивала в его душе нечто глубокое, и это пугало. Он начал всерьез опасаться: если Бай Цзинчэнь действительно окажется перерождением Фидариши, не выйдет ли так, что он и его сестра влюблены в одного и того же человека?

— Лу Энь, что с тобой? — прохладные пальцы коснулись его лба, разглаживая морщинку. Бай Цзинчэнь оказался рядом незаметно для него.

— Ох! — от неожиданности Лу Энь качнулся на стуле назад.

— Осторожно! — стул перевернулся, но Бай Цзинчэнь успел подхватить его одной рукой, прижав к себе. — Если ты ушибешься, моё сердце разобьется, — прошептал он так тихо, что слышал только Лу Энь.

Горячее дыхание коснулось уха, и кровь мгновенно прилила к лицу, окрашивая кончики ушей в пунцовый цвет. «Боги, — подумал Лу Энь, — надеюсь, мне это просто послышалось».

Сделав глубокий вдох, он отстранился, делая вид, что ничего не произошло.

— Брат Бай, какими судьбами? Сяо Юй, подай кресло и чай!

Та двусмысленная сцена станет позже началом множества слухов, но сейчас Лу Энь не

заметил торжествующей искры в глазах Бай Цзинчэня. С появлением министра все притихли, точно мыши перед котом. Особенно присмирели недавние крикуны — Фан Тао и Пан Кэ.

— Вчера я заглянул в храм Инцзюэ к настоятелю, чтобы сыграть партию в шахматы, и случайно встретил твоих наставников. Из разговора я узнал об одной любопытной истории и просто не смог сдержать любопытства. Как только закончился утренний совет, я сразу поспешил к тебе, — он бросил взгляд на притихшую толпу и снова обратился к Лу Эню: — Ты ведь знаешь мою слабость: если я о чем-то услышу, мне непременно нужно докопаться до истины. Поэтому, дорогой брат, не отказывай мне. Расскажи, что именно ты написал в тот вечер, будучи в подпитии?

«В подпитии?» — Лу Энь похолодел. Он не помнил того вечера! Неужели он сболтнул что-то лишнее?

— Брат Бай, я был так пьян, что совершенно ничего не помню. Не мог бы ты дать подсказку?

Бай Цзинчэнь едва заметно улыбнулся и начал негромко декламировать:

— «Разве не видишь — воды Хуанхэ текут с небес, стремятся к морю, чтоб не вернуться вовек...
Разве не видишь — в высоких залах пред зеркалом скорбят о сединах: на рассвете — пряди как черный шелк, в сумерках — словно снег...»

«Приглашение к вину!» — Лу Энь облегченно выдохнул. Слава богу, это всего лишь Ли Бо. Он боялся куда худшего.

Он мягко улыбнулся и уверенно подхватил:

— «Вкушая радость, иди до конца, не оставляй золотой кубок сиять в одиночестве под луной. Небо дало мне талант — и он найдет примененье. Тысяча золотых разлетится — и снова вернется ко мне... Будем резать баранов и бить быков для веселья, выпьем сразу три сотни чаш! Приглашаю к вину! Не отставляй бокала! Я спою вам песню — внимайте же мне...»

Он на мгновение замолчал, взглянув на Бай Цзинчэня:

— «Зачем же хозяин твердит, что денег осталось мало? Пусть немедля несут вина — мы выпьем вместе с тобой! Коня пятицветного, шубу в тысячу золотых — зови слугу, пусть несет и меняет на доброе хмельное, чтоб вместе с тобой мы забыли печали десяти тысяч веков!»

Во дворе снова воцарилась гробовая тишина. Бай Цзинчэнь смотрел на Лу Эня сияющими, полными нежности глазами. Затем он громко рассмеялся и поднял чашку чая, салютуя ему:

— Истинный гений! О таком таланте я могу только мечтать. Поездка стоила того: услышать столь вольные строки — истинная удача! Жаль, сейчас нет вина, но мы обязательно

наверстаем. — Он повернулся к ошеломленной толпе: — Господа, теперь у вас есть сомнения? Перед вами действительно господин Фэн И.

Сюй Дун смотрел на Лу Эня с благоговением:

— Какая мощь! Какое мастерство! Я преклоняюсь перед вами.

Люй Лансянь лишь вздохнул:

— Поистине, нельзя судить о человеке по лицу, а о море — черпаком.

Пан Кэ и Фан Тао переглянулись. Сказать им было нечего — талант Лу Эня буквально заткнул им рты. Поклонившись, они поспешно принесли извинения.

Лу Энь понял: Бай Цзинчэнь сделал это специально. Он заставил его прочесть стихи, чтобы раз и навсегда прекратить толки и защитить его репутацию. Он пришел на помощь именно тогда, когда это было нужнее всего. Лу Энь послал ему благодарный взгляд, на что министр ответил своей обычной теплой улыбкой.

Праздные таланты быстро разошлись. Отбор стражи прошел успешно — в поместье приняли пять отличных бойцов. Сестра Лу Эня, Фэй Мочоу, была вне себя от радости из-за визита министра Бая и весь вечер не отходила от него, сияя нежностью.

Лу Энь сидел в кабинете, поглядывая в окно на смеющуюся в саду пару, и в сердце его медленно вползала странная, холодная тоска.

Прошел месяц. Восемнадцатилетний Фэн И по императорскому указу вошел в Академию Тайхэ. Разумеется, это вызвало волну зависти. Академики Цзи Юньфан и Пан Вэньчун, пользуясь старшинством, шпыняли его, давали скучные поручения и не упускали случая состричь. Лу Энь лишь мысленно закатывал глаза: их козни были до зевоты однообразными. Ему приходилось терпеть, ведь «плетью обуха не перешибешь». Зато в это время они сблизились с Бай Цзинчэнем. Министр всегда появлялся, когда Лу Эню было грустно, и умел поднять настроение. «Как хорошо, что он есть», — всё чаще думал Лу Энь.

Со временем его кожа стала нежной и белой, лицо округлилось, губы налились пунцовым соком. Волосы отросли, а фигура, избавившись от болезненной худобы, стала изящной и хрупкой. Он превратился в очаровательного юношу, от которого невозможно было отвести глаз.

Конечно, нашлись и те, чьи мысли были далеки от чистоты, но Цуйфэн втайне разбирался с наглецами. Чем ярче расцветала красота Лу Эня, тем чаще Бай Цзинчэнь заглядывал в дом Фэй. Он смотрел так пристально и нежно, что сердце Лу Эня замирало. Он не пытался сопротивляться — в глубине души он всё ещё ждал встречи со своей судьбой из прошлой

жизни и хотел понять: не является ли Бай Цзинчэнь тем самым человеком?

Это хрупкое равновесие сохранялось до тех пор, пока внезапная буря не разрушила покой.

— Кха! — Лу Энь поперхнулся чаем, закашлявшись так сильно, что едва смог выдать: — Ты... ты это серьезно?!

Сунь Цин, невозмутимо утерев лицо рукавом, ответил глухим голосом:

— Богатейший купец столицы, Вэн Фугуй, прислал сватов. Просит вашей руки, господин.

—...

— Десять сундуков жемчуга, двадцать тюков тончайшего шелка, тысячи золотых и серебряных слитков, ящик нефрита, кусок драгоценной черной яшмы и свадебные браслеты с узором льва в качестве залога...

— Бам! — Лу Энь с силой хлопнул по столу. Первый раз в этом мире ему сделали предложение, и кто?! Жирный, похотливый старик! Да как он посмел?! Он, великий гений, красавец и ученый... Ладно, он признавал, что сейчас выглядит слишком невинно и вызывает у окружающих желание «попекунствовать», но такое предложение было несмыслимым позором!

— Сунь Цин, — прошипел он сквозь зубы. — Найми кого-нибудь, пусть кастрируют этого старого козла. Как он смел вождеть меня! Пусть сдохнет!

— Господин, связи Вэн Фугуя безграничны. Половина чиновников у него в долгу, а его охрана — мастера своего дела. То, что вы предлагаете, — самоубийство, — холодно ответил управляющий, даже не взглянув на кипящего от ярости хозяина. — Я спишу ваши слова на минутную вспышку гнева. Но чтобы отказать ему, нам нужен веский повод и надежный покровитель.

Лу Энь помрачнел. Старый мерзавец... Неужели не мог выбрать кого-то другого?!

О его помолвке никто никогда не слышал, так что версия о «занятом сердце» не сработает. А покровитель... Где его взять? В Тайхэ он лишь новичок, в совете его знают только по имени. Кто за него заступится? Просить императора? Тот скорее сам его продаст, не моргнув глазом. Просить помощи у ордена — значит навлечь подозрения в связях чиновника с преступным миром.

— Сунь Цин, ты отказал прямо?

— Да, но он не отступит. Вам стоит на время уехать из города.

— Хорошо... я попрошу брата Бая устроить это...

— Вы верите ему?

— А? Ты сомневаешься? Он такой добрый... — Лу Энь вспомнил, как министр помогал ему освоиться при дворе, его заботу и те нежные взгляды, от которых сладко ныло в груди. Кому же верить, если не ему?

Сунь Цин промолчал. Его молчание задело Лу Эня.

— Если хочешь что-то сказать — говори. Но я знаю: брат Бай никогда не причинит мне вреда.

— Как прикажете. Я пойду, — Сунь Цин поклонился и вышел. Его равнодушие разозлило Лу Эня, и тот лишь сильнее укрепился в своем решении.

«Вот увидишь! Я докажу тебе, что он — лучший человек на свете!»

— Что?!! — Бай Цзинчэнь вскочил, напрочь забыв о своем обычном спокойствии. — Этот старый боров посмел зариться на тебя?! Видно, ему слишком спокойно жилось, раз он решил поискать смерти!!

Лу Энь вздрогнул. Он никогда не видел друга таким — ярость буквально преобразила его лицо, казалось, он готов был растерзать обидчика прямо здесь.

— Ты... ты слишком близко это принимаешь, — пробормотал Лу Энь. Он и сам хотел кастрировать старика, но понимал, что у него на это нет сил.

Бай Цзинчэнь шагнул к нему и с силой сжал его плечи.

— Лу Энь! Неужели ты действительно готов пойти в дом к этому ничтожеству, которое уже одной ногой в могиле?!

— Больно! Да с чего ты взял? Брат Бай, отпусти...

— Нет! Ты... ты ничего... не понимаешь... — ярость в глазах министра мгновенно сменилась чем-то иным. Он порывисто прижал Лу Эня к себе и, прежде чем тот успел издать хоть звук, накрыл его губы своими.

Лу Энь замер. Поцелуй был властным, жадным и в то же время пугающе нежным. Бай

Цзинчэнь проник языком в его рот, забирая воздух и лишая способности мыслить. В голове стало пусто, сопротивление исчезло само собой.

Это ощущение... оно было таким знакомым! Где-то в глубине души что-то заворчалось, пытаюсь вырваться из оков забвения и затопить разум Лу Эня... Да, в прошлой жизни он уже чувствовал нечто подобное. Только тогда в поцелуе не было этой жгучей страсти, лишь бездонная, раздирающая печаль.

Нежные слезы... нежный поцелуй... Фи...

Лу Энь смотрел затуманенным взглядом, он вспыхнул лихорадочным румянцем. Губы, терзаемые Бай Цзинчэнем, стали алыми, дыхание сбилось. Он выглядел до боли соблазнительно. Заметив это, Бай Цзинчэнь лишь сильнее сжал его тонкую талию, не давая упасть, и снова прильнул к его губам.

А в сознании Лу Эня, где-то за гранью реальности, зазвучали далекие, призрачные голоса:

"— Клар, что тебе во мне нравится?"

"— Ха-ха, мне больше всего нравится твоя улыбка, Фи! Ты такой добрый!"

"— Глупыш, ты ведь мой самый важный «младший брат», конечно я буду добр к тебе".

"— Нет! Я не хочу быть твоим братом!"

"— Клар?"

"— Фи, я люблю тебя! Всегда... всегда любил..."

—... Фи... — прошептал Лу Энь, и прозрачная слеза скатилась по его щеке. Перед глазами всё поплыло.

Бай Цзинчэнь на мгновение замер, его взгляд на миг стал ледяным.

— Господин Бай, я принесла вам семена лотоса... Ах! — раздался звон бьющейся посуды.

Испуганный крик сестры прорезал тишину. Память Лу Эня окончательно рассыпалась на куски, и он провалился в бездонную, холодную тьму.

Как не хотел я быть тебе обузой,

Как не желал разлуки я с тобой.

Мир нашу страсть позором заклеил,

И пропасть пролегла меж нами.

Холодный дождь сечет моё лицо,

Где слезы здесь, а где вода — не знаю.

Во тьме и боли я себя теряю,

И в демона меня позор переродил.

Я думал, вечность для меня закрыта,

И встречи нашей больше я не ждал.

Зачем судьба нас вновь свела в пути,

Зачем меня ты видишь — столь нечистым?

Застыл во тьме я, жалок и пронзен,

Лицо — уродство, в сердце — лишь гнильё,

Лишь прах надежд и вечный зов страданья.

Любовь твоя запоздалым клинком

Мне сердце режет, не давая воли.

О, Фи, тебя я больше не ищу.

Лишь смерть — спасенье для безумца.

Твоя любовь... она пришла слишком поздно...

(Из исповеди Клара)

Кто это плачет? Кто страдает? Кто потерял надежду?

В углу, окутанном беспросветным мраком, скорчилась худая фигура в черном балахоне. Он содрогался в рыданиях. Тяжелое, удушливое чувство отчаяния заполняло всё пространство, давя на плечи.

Эта негативная энергия была столь велика, что Лу Энь не выдержал и упал на колени, обливаясь холодным потом и жадно хватая ртом воздух. Боги, что это за сила! Тьма буквально пожирала реальность. Личность существа перед ним была выжжена дотла, искажена невыносимой мукой; оно существовало лишь ради мести человечеству.

Преодолевая давление, Лу Энь пополз вперед. С каждым сантиметром боль усиливалась: мышцы словно разрывали раскаленными щипцами, кожа горела под дождем из невидимых игл. Пройдя лишь десяток шагов, он рухнул, не в силах пошевелиться.

— Ты... кто ты? — едва слышно выдавил он.

Фигура перестала дрожать и медленно поднялась. Скрежет цепей эхом отозвался в пустоте. Существо медленно повернулось к нему.

Это был... он сам!

Нет, это был Клар — его прошлая жизнь.

Лу Эня пробрал ужас. Хотя левую половину лица Клара скрывала серебряная маска, а из-под капюшона выбивались пряди бледно-зеленых волос, Лу Энь сразу узнал в нем себя. То же лицо, те же фиалковые глаза. Теперь он понял, почему в этой жизни он так не похож на своих родителей.

Они долго смотрели друг на друга. Энергия, исходящая от Клара, была страшнее и могущественнее, чем у любого демона. Клар криво усмехнулся. Маска и плащ соскользнули, обнажая правду.

Лу Энь задохнулся от ужаса. Его затрясло, к горлу подкатила желчь. Он судорожно закрыл рот рукой, с трудом сдерживая рвоту.

Левый глаз Клара был вырван — на его месте зияла черная пустая глазница. Правый, ставший кроваво-красным, горел неугасимой ненавистью. Вся левая часть лица была покрыта жутким

месивом из шрамов, ожогов и клейм. Тело было испещрено чернильно-черными колючими рунами. Левая часть тела на восемьдесят процентов состояла из магических протезов и искусственных органов; даже детородный орган был заменен магическим подобием, пронзенным пятью тонкими иглами. Руки напоминали иссохшие кости, скрепленные железными штырями и скобами, сквозь которые виднелось сырое мясо. Каждое движение причиняло ему невыносимую пытку. Перед Лу Энем стоял не человек — живое воплощение кошмара, восставший из ада мертвец.

То, что он вообще был жив после таких истязаний, было одновременно и чудом, и проклятием. Сам Лу Энь предпочел бы смерть такой участи.

«Зачем ты ищешь прошлое? В нем боли больше, чем сладости», — голос Клара прозвучал прямо в его сознании, холодный и лишенный всяких эмоций.

Лу Энь горько усмехнулся. Он знал ответ. Потому что не мог забыть ту роковую нежность...

«... Фи? — глаза Клара на мгновение снова стали фиалковыми, ненависть отступила. — Ты всё ещё помнишь любовь... и потому идешь по следу... Что ж, — он словно что-то вспоминал. — Оковы памяти нуждаются в ключе. Всё вернется к тебе, но будь готов. Ноша окажется тяжелее, чем ты можешь представить. Возможно, Главный Бог решил дать мне шанс освободиться от боли через тебя, наделив новой судьбой...»

— Что? Ты тоже знаешь Главного Бога? — Лу Энь вспомнил письмо. — Расскажи мне, что это за ключ!

«... Любовь и тьма...»

— Что?

«Умей отличить правду от лжи, добро от зла. Будь смел в своих желаниях. Сейчас ты слишком наивен...» — Клар начал таять, рассыпаясь искрами света в пустом пространстве.

<http://bllate.org/book/17476/1693707>